

«Муза в солдатской шинели»

Поэзия Великой Отечественной войны.

Посвящено 75-летию Победы.

Сегодня вашему вниманию мы предлагаем одну из наших программ, посвященную поэзии Великой Отечественной войны.

Говорят, когда грохочут пушки, музы молчат. Но от первого до последнего дня войны не умолкал голос поэтов. И пушечная канонада не могла заглушить его. Никогда к голосу поэтов так не прислушивались читатели. Известный английский журналист Александр Верт, который всю войну провел в Советском Союзе, в книге «Россия в войне 1941-1945» писал: «Россия, пожалуй, единственная страна, где стихи читают миллионы людей, и таких поэтов, как Симонов и Сурков, читал во время войны буквально каждый».

Поэзия как вид искусства, способный на быстрый эмоциональный отклик, в первые же месяцы и даже дни войны создала произведения, которым суждено было стать эпохальными.

Уже 24 июня 1941 г. в газетах «Красная Звезда» и «Известия» было опубликовано стихотворение В.И. Лебедева-Кумача «Священная война».

Главный редактор «Красной Звезды» Дмитрий Ортенберг так описывает историю появления этого стихотворения:

«Вызвал к себе литературного сотрудника Льва Соловейчика и сказал ему:

- Давайте срочно стихи в номер! Получив задание, он стал звонить поэтам.

Случайно «наскочил» на Лебедева-Кумача:

- Василий Иванович, газете нужны стихи.

- Когда?

- Сегодня воскресенье. Газета выходит во вторник. Стихи непременно должны быть завтра.

- Будут...

На следующий день Лебедев-Кумач, как и обещал, принес в редакцию стихотворение.

Начиналось оно так:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.*

Вскоре композитор Александров написал музыку на эти стихи. А 27 июня ансамбль Красной Армии впервые исполнил песню на Белорусском вокзале столицы перед бойцами, отправлявшимися на фронт.

В годы войны эта песня звучала повсеместно. Под ее звуки шли первые эшелоны на фронт, она сопровождала солдат на марше, в военной страде и тяжелой жизни тыла.

Сплачивающая, вдохновляющая роль этой песни во многом определялась тем, что в ней о войне была сказана суровая правда. Она была проникнута ощущением тяжести испытаний, выпавших на долю нашего народа.

Уже первые недели, месяцы войны показали, что война не будет легкой. Не получится так, как пелось в довоенных бравурных песнях: «Врага мы на вражьей земле победим малой кровью, могучим ударом», «Мы с любой бедою сладим, всех врагов развеем в дым». Все это было лейтмотивом стихов и песен 30-х годов, широко тиражируемых в печати и декламируемых по радио.

В годы войны характер нашей литературы значительно меняется. Она начинает избавляться от вевшегося в довоенную пору искусственного оптимизма, самодовольства.

Война сделала вновь возможным трагедийное начало в отечественной литературе. И оно прозвучало в творчестве многих поэтов.

«Ах, война, что ж ты, подлая, сделала...»

Так начинается стихотворение Булата Окуджавы «До свидания, мальчики». Уже само название вносит ноту трагизма: сколько мальчиков и девочек не вернулись с этой войны! Сколько не состоявшихся судеб, не сыгранных свадеб, не рожденных детей... О своем поколении, поколении, которому на момент начала войны было не больше двадцати, писали Семен Гудзенко, Давид Самойлов, Евгений Винокуров, Булат Окуджава.

*Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли -
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом - солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите,
и все-таки
постарайтесь вернуться назад.*

*Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб - разлуки и дым,
наши девочки платица белые
раздали сестренкам своим.
Сапоги - ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки.
Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной наугад...
До свидания, девочки!
Девочки, постарайтесь вернуться назад.*

О том, как совпали «война, беда, мечта и юность» писал поэт-фронтовик Давид Самойлов в стихотворении «Сороковые».

*Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где известья похоронные
И перестуки эшелонные.*

*Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...*

*А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,*

А вырезанная из банки.

*Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.*

*И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.*

*Как это было! Как совпало -
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..*

*Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!*

Семен Гудзенко после войны написал стихотворение, в котором была такая строка: «Мы не от старости умрем – от старых ран умрем». За что получил в свой адрес большой поток критики. Его упрекали в безысходной тоске, печали, ноющей жалобе.

Семен Гудзенко был тяжело ранен в 1942 году и умер в 1953 в буквальном смысле слова «от старых ран», проведя во время войны и после нее много месяцев в госпиталях.

*Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
На могилах у мертвых расцвели голубые цветы.*

*Расцвели и опали... Проходит четвертая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не извели счастья ремесел,
Нам досталась на долю нелегкая участь солдат.*

*У погодков моих ни стихов, ни любви, ни покоя -
Только сила и зависть. А когда мы вернемся с войны,
Все долюбим сполна и напишем, ровесник, такое,
что отцами-солдатами будут гордиться сыны.*

*Ну, а кто не вернется? Кому долюбить не придется?
Ну, а кто в сорок первом первую пулей сражен?
Зарыдает ровесница, мать на пороге забьется,-
У погодков моих ни стихов, ни покоя, ни жен.*

*Кто вернется - долюбит? Нет! Сердца на это не хватит,
И не надо погибшим, чтоб живые любили за них.
Нет мужчины в семье - нет детей, нет хозяина в хате.
Разве горю такому помогут рыданья живых?*

*Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
Тот поймет эту правду,- она к нам в окопы и щели
Приходила поспорить ворчливым, охришим баском.*

*Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
Эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
И могилы над Волгой, где тысячи юных лежат,-
Это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
Подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.*

*...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.*

*А когда мы вернемся,- а мы возвратимся с победой,
Все, как черти, упрямы, как люди, живучи и злы,-
Пусть нами пива наварят и мяса нажарят к обеду,
Чтоб на ножках дубовых повсюду ломились столы.*

*Мы поклонимся в ноги родным исстрадавшимся людям,
Матерей расцелуем и подруг, что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу штыками добудем -
Все долюбим, ровесник, и работу найдем для себя.*

У Николая Некрасова, русского поэта 19 века, есть стихотворение, в котором автор, размышляя об «ужасах войны, о каждой новой жертве боя», выражает свое сочувствие матери погибшего солдата. Он пишет:

*Увы, утешится жена,
И друга лучший друг забудет,
Но в мире есть душа одна-
Она до гроба помнить будет.*

Что может сравниться с горем матери, потерявшей своего ребенка, пережившей его. Это нарушение естественного закона жизни. Об этом стихотворение Юлии Друниной, посвященное ее боевой подруге Зинаиде Самсоновой, погибшей в 1942 году.

*Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, сырой земле.*

*- Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.*

*У тебя есть друзья, любимый.
У меня лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.*

*Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет
Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.*

*Отогрелись мы еле-еле,
Вдруг приказ: «Выступить вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.*

*2. С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и замен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.*

*Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.*

*Мы не ждали посмертной славы,
Мы со славой хотели жить.
Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит*

*Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав.
Белорусские хаты пели
О рязанских глухих садах.*

*3. Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье
Мама, мамка твоя живет.*

*У меня есть друзья, любимый
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.*

*И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла
Я не знаю, как написать ей,
Чтоб она тебя не ждала.*

Сиротство и вдовство – это еще одна трагедия войны. С пронзительной болью об этой беде написал Сергей Викулов поэму «Одна навек».

*... Едва хватило силы
принять дрожащею рукой конверт...
И вдруг: "Дедуся, милый!"
"Ах!" и к его щеке щекой!
И закружилась с ним в обнимку:*

"Он жив! Он жив!"

"Ну, дай-то Бог!"

Старик растроганно слезинку смахнул и вышел за порог,
Дивясь, что сумка легче стала...

Она ж, присев возле стола,
Сперва конверт к губам прижала
И лишь потом надорвала...

"Любимая!.." и лист неровный вдруг задрожал в ее руках,

И в голубых её огромных
Предчувствием разлился страх,
И стал белей бумаги палец,
Следивший дрожко за строкой.

"Любимая, мы отступаем!

Уже все наши за рекой.

Здесь только мы, а мост не взорван!

А мост уже в руках врага!

И наш комбат сказал: "Позор нам!" и

"Добровольцы, два шага вперед!"

И мы, кто нас в живых осталось...

Мы разом все к нему!!!

"Что ж, браво...", бросил он устало,

И четверых по одному из строя вызвал.

Третьим с краю стал я...

И он, суров и прям,

сказал: "На смерть вас посылаю, пишите письма матерям.."

Потом добавил: "И невестам.

В распоряденьи вашем час"

И вот, посуше выбрав место,

Я и пишу.. в последний раз.

Пишу тебе, прости, что почерк так не разборчив,

ты должна понять,

Мне часа мало очень, чтоб все сказать

Мне жизнь нужна!!!

И я спешу, спешу и сразу же хочу о главном:

Минет срок, и ты, конечно, выйдешь замуж,

Я понимаю, я жесток, но Ты.. ведь кто тебя осудит?

Ты выйдешь верность мне храня.

И у тебя сынишка будет, пусть не похожий на меня,

Пусть... но я хочу, чтобы мальчонка был у тебя на все горазд!

Чтобы соломенная челка на лбу, и крапинки у глаз.

Чтоб узнавала средь мальчишек, ты даже издали его

И чтоб однажды он услышал рассказ твой грустный про того,

Кто так хотел (прости мне это признанье!) стать его отцом!

Да вот не вышло! Сгинул где-то... не важно где, он был бойцом.

И ты, однажды, ты поведай ему, оставив все дела,

Что он не дожил до Победы, но умер, чтоб она была!

Чтоб снова добрым людям в лица ударил свет, рассеяв тьму,

Чтоб он, курносый, мог родиться и чтоб легко жилось ему,

Чтобы его по утрам тропка то в лес, то к озеру вела,

Чтоб гром гремел, летела лодка вперед! И радуга цвела!

Чтоб гасли молнии как спички, ударив в радугу-дугу,

Чтоб чья-то девочка с косичкой ждала его на берегу...

Любимая... и тишина... и снова

Кричу из дыма и огня: ЛЮБИМАЯ!!!

Но это слово услышишь ты уж без меня...

Война не вмещается в оду,
И многое в ней не для книг.
Я верю, что нужен народу
Души откровенный дневник.

В годы войны с новой силой зазвучала тема интимной лирики. Для того, чтобы по-настоящему оценить общественное, литературное и духовно-нравственное значение этого явления, необходимо хотя бы в самых общих чертах вспомнить о том, что у темы любви в советской поэзии была трудная история, связанная с подчеркиванием значимости только общественной тематики и недооценки личной, особенно интимной, жизни человека.

Возрождению любовной лирики в поэзии военных лет во многом способствовал цикл стихов Константина Симонова «С тобой и без тебя», написанный в 1941-1942 годах.

На сегодняшний день для меня самыми близкими стихами военной поры являются стихи Константина Симонова из сборника «С тобой и без тебя». Я узнала об этом сборнике на уроке литературы, когда мы познакомились с лирикой Великой Отечественной войны. Стихи меня поразили. Поразили силой чувства, откровенностью, а еще тем, что такие интимные стихи были опубликованы в годы войны. Мне стало интересно, имеют ли они под собой фактический материал. И я обратилась к биографии Симонова, из которой узнала, что цикл «С тобой и без тебя» посвящен актрисе Валентине Серовой. Она стала женой поэта накануне войны, в 1941. Остальные подробности их взаимоотношений в стихах.

«Мне хочется назвать тебя женой»

*Мне хочется назвать тебя женой
За то, что так другие не назвали,
Что в старый дом мой, сломанный войной,
Ты снова гостьей явишься едва ли.*

*За то, что я желал тебе и зла,
За то, что редко ты меня жалела,
За то, что, просьб не ждя моих, пришла
Ко мне в ту ночь, когда сама хотела.*

*Мне хочется назвать тебя женой
Не для того, чтоб всем сказать об этом,
Не потому, что ты давно со мной,
По всем досужим сплетням и приметам.*

*Твоей я не тщеславолюсь красотой,
Ни громким именем, что ты носила,
С меня довольно нежной, тайной, той,
Что в дом ко мне неслышно приходила.*

*Сравнятся в славе смертью имена,
И красота, как станция, минует,
И, постарев, владелица одна
Себя к своим портретам приревнует.*

*Мне хочется назвать тебя женой
За то, что бесконечны дни разлуки,
Что слишком многим, кто сейчас со мной,
Должны глаза закрыть чужие руки.*

*За то, что ты правдивою была,
Любить мне не давала обещанья
И в первый раз, что любишь,— солгала
В последний час солдатского прощанья.*

*Кем стала ты? Моей или чужой?
Отсюда сердцем мне не дотянуться...
Прости, что я зову тебя женой
По праву тех, кто может не вернуться.*

«Далекому другу»

*И этот год ты встретишь без меня,
Когда б понять ты до конца сумела,
Когда бы знала ты, как я люблю тебя,
Ко мне бы ты на крыльях долетела.
Отныне были б мы вдвоем везде,
Метель твоим бы голосом мне пела,
И, отраженьем в ледяной воде
Твое лицо бы на меня смотрело.
Когда бы знала ты, как я тебя люблю.
Ты б надо мной всю ночь, до пробужденья,
Стояла тут, в землянке, где я сплю,
Одну себя пуская в сновиденья.
Когда б одною силою любви
Мог наши души поселить я рядом,
Твоей души сказать: приди, живи,
Незрима будь, будь недоступна взглядам.
Но ни на шаг не покидай меня,
Лишь мне понятным будь напоминаньем:
В костре – неясным трепетом огня,
В метели – снега голубым порханьем.
Незримая, смотри, как я пишу
Листки своих ночных нелепых писем,
Как я слова беспомощно ищу,
Как нестерпимо я от них зависим.
Я здесь ни с кем тоской делиться не хочу,
Свое ты редко здесь услышишь имя.
Но если я молчу – я о тебе молчу,
И воздух населен весь лицами твоими.
Они кругом меня, куда ни кинусь я,
Все ты в мои глаза глядишь неутомимо.
Да, ты бы поняла, как я люблю тебя,
Когда б хоть день со мной тут прожила незримо.
Но ты и этот год встречаешь без меня...*

«На час запомнив имена...»

*На час запомнив имена,—
Здесь память долгой не бывает,—
Мужчины говорят: «Война...» —
И наспех женицин обнимают.*

*Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.*

*Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.*

*А им, которым в бой пора
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали.*

*Я не сужу их, так и знай.
На час, позволенный войною,
Необходим нехитрый рай
Для тех, кто послабей душою.*

*Пусть будет все не так, не то,
Но вспомнить в час последней муки
Пушкай чужие, но зато
Вчерашние глаза и руки.*

*В другое время, может быть,
И я бы прожил час с чужою,
Но в эти дни не изменить
Тебе ни телом, ни душою.*

*Как раз от горя, от того,
Что вряд ли вновь тебя увижу,
В разлуке сердца своего
Я слабодушьем не унижу.*

*Случайной лаской не согрет,
До смерти не простясь с тобою,
Я милых губ печальный след
Навек оставляю за собою.*

Самым известным стихотворением из сборника «С тобой и без тебя» и, пожалуй, самым известным стихотворением Симонова является «Жди меня». Я думал над тем, почему это стихотворение обрело такую популярность. Его знают и любят люди разных поколений. И, мне кажется, я понял, в чем секрет его неумирающей популярности: на место лирического героя этого стихотворения каждый солдат мог поставить себя и обратиться со словами «жди меня» к своей подруге, любимой, маме. Ведь солдаты на войне жили памятью о доме, мечтали о встрече с любимыми, и они так нуждались в том, чтобы их ждали. И сегодня, когда ребята уходят в армию, они мечтают о том же, правда, может быть, стесняются сказать об этом вслух.

«Жди меня» К.Симонова.

*Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.*

*Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.*

*Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.
1941 год*

Много замечательных стихотворений были рождены войной. Одни из них, сыграв свою огромную агитационную роль, остались документом военного времени, а другие вошли в современную духовную культуру как проявление красоты души народа, как поэтизации естественного и прекрасного в противоестественных условиях.

Прекрасное лето 1941 года, 21 июня, суббота. По всем школам страны – выпускной, а завтра, завтра будет война... Этой памятно-трагической дате посвящено стихотворение **Вадима Шефнера «22 июня»**.

*Не танцуйте сегодня, не пойте.
В предвечерний задумчивый час
Молчаливо у окон постойте,
Вспомните погибших за нас.*

*Там, в толпе, среди любимых, влюблённых,
Среди весёлых и крепких ребят,
Чьи-то тени в пилотках зелёных
На окраины молча спешат.*

*Им нельзя задержаться, остаться -
Их берёт этот день навсегда,
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда.*

*Окликать их и звать их - напрасно,
Не промолвят ни слова в ответ,
Но с улыбкою грустной и ясной
Поглядите им пристально вслед.*

По данным энциклопедии «Великая Отечественная война» в действующей армии служило свыше тысячи писателей – 1215. Из восьмисот членов московской писательской организации в первые дни войны на фронт ушло 250. 475 писателей с войны не вернулись.